

В. Головин

ТВОРЧЕСТВО ЛИДИИ ЧАРСКОЙ В ПРИЖИЗНЕННОЙ КРИТИКЕ

В статье на широком историко-литературном материале, охватывающем период первой трети XX в., рассматривается оценка российскими критиками творчества одной из самых популярных русских детских писательниц — Л. А. Чарской. В работе сопоставляется позиция дореволюционных и советских критиков относительно книг Чарской, анализируются основные принципы и приемы критики детской литературы. В фокусе исследования главным образом находятся публикации в педагогической и литературной периодике.

Ключевые слова: массовая детская литература, история критики детской литературы, Лидия Чарская, Корней Чуковский.

Редкий детский писатель, да и любой писатель вообще, создал столько произведений, как Лидия Чарская (Илл. 1): свыше трехсот произведений, среди которых повести, романы, сказки, стихи. Редкий детский писатель имел такую феноменальную читательскую популярность, и редкий писатель вызвал такой объем негативной критики. На наш взгляд, недоброжелательное пристрастие критиков к книгам Чарской связано, прежде всего, с феноменом рецепции ее творчества и огромной популярностью среди юных читателей. Несмотря на то, что произведения Чарской не были обласканы официальной педагогической мыслью и литературной критикой и не печатались, например, в хрестоматиях, не входили в школьную программу, институциональные причины популярности ее творчества были весьма основательны в своей совокупности.

Во-первых, произведения Чарской регулярно публиковались почти во всех детских журналах и других периодических изданиях. Например, в журнале «Задуманное слово» в 1910 г. почти в каждом номере появлялась какая-либо публикация ее авторства. В этих же изданиях обильно публиковались письма детей, восхищенно отзывающихся о своем опыте чтения книг Чарской. Во-вторых, популярность книг Чарской и влияла на книжный рынок, и поддерживалась им же — сочинения Чарской массово издавались самыми крупными российскими издателями начала XX в.;

в их числе М. Вольф, П. Сойкин, И. Сытин, А. Суворин и др. Откликнулись на популярность Чарской и педагоги-практики вкупе с другими организаторами детского чтения — в различных рекомендательных указателях и списках для чтения встречаются произведения Чарской, правда, нечасто, а в педагогической и библиотечной прессе публикуются результаты социологических опросов и исследований, касающихся чтения детей и подростков, где Лидия Чарская — несомненный лидер. В советский период к этим фак-

Илл. 1. Л. А. Чарская. Фото из журнала «Задуманное слово» (1903, № 51)

торам добавилось еще и то, что книги Чарской были запрещены — это создавало определенную мифологию вокруг личности и творчества Чарской и дополнительно мотивировало читателей.

Однако перечисления этих фактов явно недостаточно для объяснения столь высокого читательского рейтинга, каким пользовались книги Чарской на протяжении первой трети XX в.; основная причина все же кроется в имманентных свойствах ее произведений. Это, в первую очередь, и вызвало устойчивый негативизм критиков в отношении произведений Лидии Чарской, который нашел отражение не только в периодике, но и в специальной литературе по детскому чтению¹.

Говоря о критиках Чарской, чаще всего вспоминают К. Чуковского. Его статья «Лидия Чарская», в 1912 г. опубликованная в газете «Речь»², одной из самых популярных дореволюционных газет, и перепечатанная в сокращенном виде в его собрании сочинений, была и остается одной из самых известных публикаций о Чарской. Осведомленные читатели могут еще припомнить хорошо известное ностальгическое стихотворение Марины Цветаевой о героине Чарской Нине Джавахе³ и, возможно, эпиграмму В. Князева⁴, отреагировавшего на «ругательную» статью Чуковского. Вот, пожалуй, основные тексты о Чарской, попавшие в широкий читательский оборот: характерно, что в одном из них анализируется читательская рецепция (в статье Чуковского приводятся выдержки из писем

юных читателей Чарской), в другом эта рецепция вербализуется в поэтическом формате, в третьем — иронии подвергается рецепция самих критиков. На наш взгляд, это еще раз подтверждает тот факт, что феномен «критики Чарской» необходимо рассматривать в его тесной связи с феноменом читательской рецепции.

Весь корпус критических работ о Чарской можно разделить на два направления. Первое — это жесткая критика ее произведений, сводящаяся к тому, что книгам Чарской не место в детском чтении. Основное содержание работ этого рода сводится к выискиванию шаблонности и стереотипных приемов, обеспечивающих определенную реакцию со стороны читателей, разоблачение «дешевых эффектов» и др. Такая критика была порождена отчасти страхом педагогов перед популярностью Чарской и верховенством ее книг в чтении детей, по сравнению с книгами классиков, отчасти — убеждением критика в несовершенстве читательского вкуса у детей и у родителей. Второе направление представлено более объективными работами, где критики рассуждают о художественных приемах Чарской, позволяющей ей завоевать юного читателя, с точки зрения их анализа, а не осуждения.

Историю критики Л. Чарской можно условно разбить на несколько этапов.

1. 1901–1910 гг. Наблюдение за творчеством Чарской, признание ее популярности, в равной мере позитивная и негативная критика, высказанная в отдельных рецензиях. Массовая публикация детских читательских отзывов. Включение произведений Чарской в рекомендательные списки для чтения. Установление безусловного лидерства Чарской в современном детском чтении. Публикация очерка В. Воровского «Цыпочка» в 1905 г. — одного из первых отрицательных откликов.

2. 1910–1914 гг. Доминирование негативной оценки творчества Л. Чарской. Фиксация ее лидерства в детском чтении на основании результатов социологических опросов. Публикация статьи К. Чуковского о Чарской, рост числа критических рецензий на ее книги. Постоянное критическое рецензирование (с негативной оценкой) произведений писательницы в ежемесячных выпусках журналов и бюллетеней «Что и как читать детям», «Новости детской литературы». Устойчивое педагогическое «рейтингование» Чарской как одного из «вредных» писателей.

3. 1912–1914 гг. Массовая критика «ура-патриотических» произведений Л. Чарской, особенно повести «Игорь и Милица».

4. 1918–1934 гг. Советская критика постулирует «ненужность» произведений Л. Чарской для юного читателя Страны Советов. Чтение ее книг объявлено проявлением «дореволюционных, буржуазных» вкусов.

I

Первый этап (1901–1910), кажется, не требует особых комментариев (Илл. 2, 3), поскольку критических статей о Чарской было относительно мало. Так, авторитетный критик Н. А. Саввин (1875/1878–1934) в своем «Опыте ежегодника детской литературы» за 1909–1910 гг. фактически не заметил ее и, судя по обзору, большую популярность признавал за Клавдией Лукашевич (1859–1937) [Саввин, 1911]. Тем не менее, критика стала выделять книги Чарской как новое явление в детской литературе. Чаще всего в эти годы о Чарской упоминали в журнальных и газетных рецензиях, авторы которых отмечали: «живой язык, драматизм сцен, умение дать местный колорит различным событиям делают ее повесть («Люда Влассовская». — В. Г.) не только занимательной, но и полезной» [Правительственный вестник, 1904, с. 12]; «Быт института, типы его, радости и печали воспитанниц, первые проявления и первые огорчения красивой дружбы очерчены автором

Илл. 2, 3. Публикация повести Л. А. Чарской «Люда Влассовская» в журнале «Задушевное слово» за 1904 г. Художник В. А. Табурин

со знанием дела, наблюдательностью и симпатичной мягкостью» [Биржевые ведомости, 1905, с. 6]; «красивый и грациозный язык» [Речь, 1909, с. 12]; «роман (“Евфимия Старицкая”. — В. Г.) написан не только со знанием эпохи, но и все его персонажи выведены тепло и талантливо» [Исторический вестник, 1905, с. 121].

Появились и первые рекомендации: «Книгу (“Грозная дружина”. — В. Г.) нельзя не порекомендовать как приятное и полезное чтение для юношества» [Московские ведомости, 1909, с. 12]; «Рассказ (“Смелая жизнь”. — В. Г.) ведется живо и читается с интересом <...> Книга содержит такие положительные данные, что чтение ее принесет пользу кадетам младшей роты» [Пед. сборник, 1903, с. 22];

Отрицательных рецензий было не так много, и это, в целом, можно объяснить двумя фактами:

1. Чарская еще не написала многих своих книг, и стереотипность ее художественных приемов (что чаще всего ставили ей в вину критики) была на тот момент не так очевидна. До половины 1900-х гг. ее творчество воспринималось как новое явление в детской литературе.

2. Популярность Чарской еще не достигла своего апогея, ее книги еще только начинали завоевывать всеобщее читательское внимание. В связи с чем высказывания некоторых критиков, которые позже станут отзываться о Чарской резко отрицательно, пока еще остаются нейтральными или позитивными.

Тем не менее, следует отметить как знаковое явление художественный очерк «Цыпочка (Из журналов)» В. Воровского в журнале «Зритель» за 1905 г., задавший определенную критическую манеру рецензирования Чарской. В своем сатирическом очерке Воровский предлагает псевдобиографию Чарской с вымышленными детскими сочинениями институтки-отличницы и заключает ее следующим пассажем:

И все, о чем так часто говорилось в институте тайно от классных дам и «татап», о чем грезилось в душных дортуарах белыми майскими ночами, когда сон упрямо бежал от молодых глаз, о чем одиноко мечтала семнадцатилетняя девушка, оторванная от остального, незнакомого мира, от шумной, живой и пестрой жизни и заключенная в унылую педагогическую клетку, где все так однообразно и мертво, — это стало темой ее рассказов...

Каюсь, я никогда не видел госпожу Чарскую. Может быть, ее никто не называл «цыпочкой», да она может быть и не училась никогда в институте, а на «пеночку» и вовсе не похожа.

Может быть... Но о рассказах госпожи Чарской, наивных и скучных, как болтовня светской барышни, больше ничего сказать не могу... [Воровский, 1905].

Участник литературно-критического мейнстрима, ощущавший переломный момент русской литературы, с нарочитой надменностью высказался о творчестве Чарской, заложив оценку ее творчества как явления массовой, а стало быть, по его мнению, и низкопробной литературы.

II

В 1912 г. историк В. П. Родников (1879–1942/1943) в своих «Очерках детской литературы» (Киев, 1912) представил довольно обширный разбор творчества Л. Чарской, назвав ее представителем «героического романтизма, частнее ее исторического вида» [Родников, 1912, с. 84].

В отличие от журнальной критики, В. Родников разносторонне рассматривает творчество Чарской и анализирует ее своеобразную «эволюцию». Позитивно оценив (в каждом случае он подкрепляет свою критику страничным примером и пересказом содержания) историческую прозу, где Родников хвалит «верность исторического изложения и верность изображения исторических характеров, наличие “сильных сцен”, легкость и приподнятость языка» [Там же, с. 84]⁵, критик отмечает стремление Чарской в «новые сферы» — «романтизм ее принимает характер фантастический» [Там же, с. 86]. В этой связи Родников начинает разговор о «женских повестях» Чарской (в частности, о «Ларе Бессоновой») с их эксцентричными героинями и обращает внимание на появление «ненатуральности» в повествовании:

Таким образом, у писательницы в ходе рассказа заметна сильная ненатуральность. Ненатуральность и тенденциозность у Чарской и в обрисовке отдельных типов. Положительные типы без всякой тени... Зато в своих описаниях беспощадна писательница к нелюбимым героям [Там же, с. 89–90].

В. Родников делает тонкое наблюдение, вычлняя один из своеобразных приемов Чарской. Начиная физиономическое или внешнее описание положительного героя, она снабжает его экспрессивными эпитетами и выводит из них черты характера, например:

Энергичен и высокий лоб и смело изогнутые крупным изгибом брови и несколько резко очерченный рот. Все говорит о силе, упорстве

и пережитой борьбе вполне взрослого испытанного человека, а глаза — глаза мечтателя ребенка. Задумчивые, детски чистые, прекрасные глаза [Родников, 1912, с. 90].

Отрицательный тип характеризуется по схожей модели: «В руках хлыстик, фуражка сдвинута на затылок. В лице презрение ко всему, что не касается узкого кителя и лакированных ботинок» [Там же, с. 90]. Цитата из труда В. Родникова приведена не случайно, поскольку такое «детальное» наблюдение — крайняя редкость в критике детской литературы. Более того, его работа, пожалуй, единственное сочинение о Чарской, в котором автор не апеллирует к ее читательской популярности. В. Родников замечает еще одну важную тенденцию: «Как видим, от Чарской к романтизму в детской литературе остается сделать один шаг, чтобы очутиться близко к миру фантастической пинкертоновщины», — то есть к массовой литературе [Там же, с. 90].

С оценкой творчества Чарской выступили и два других видных историка и теоретика детской литературы — Н. В. Чехов (1865–1947) и Н. А. Саввин. Причем в их публикациях взгляд на творчество Чарской эволюционирует в сторону отрицания художественных достоинств ее творчества.

Если Н. В. Чехов в 1909 г., кроме фиксации популярности книг Чарской среди детей, даже отмечал, что писательница обладает «живою фантазией» и литературным слогом и что ей наиболее удастся изобразить жизнь женского института [Чехов, 1909, с. 141], то в 1915 г. он замечает только «убогое однообразие типов», «узость мировоззрения» и что «круг идей, жизненных целей, которыми руководствуются ее героини и героини, поражает своей поверхностностью и буржуазностью» [Чехов, 1915, с. 39]. Н. А. Саввин, не упомянувший Чарскую в обзоре за 1909–1910 гг., в 1914 г. категорично отметил, что «художественные средства ее очень не велики и круг жизненных наблюдений достаточно узок» [Саввин, 1914, с. 7], и категорически ошибся насчет долготы жизни ее произведений в читательской среде. В принципе он повторил мысли очерка К. Чуковского, указав, что:

...она действует на читательниц прежде всего и больше всего так называемыми внешними эффектами, нервически написанными сценами. При отсутствии же настоящего таланта — взамен его у писательницы только технический навык, тогда как в первых ее произведениях была непосредственность переживаний. Все равно, безнадежно доказывать

общественную и литературную стоимость писательницы. Да и успех ее едва ли долго продлится [Там же, с. 7].

В конце 1911 г. педагог З. Д. Масловская в журнале «Русская школа» начала традицию объемных рецензий творчества Чарской, общий смысл которых обозначался вопросом «За что дети любят Чарскую?» В определенной степени это было похоже на соревнование критиков: кто и как сильнее разгромит творчество Чарской. В 1912 г. с аналогичной статьей выступил К. Чуковский, в 1913 — В. Русаков и В. Комарницкий.

Масловская выступила, если можно так сказать, с первым «анти-чарским» памфлетом. В систему аргументации против писательницы и чтения ее произведений входили все возможные доводы. Масловская даже приводит в пример «историю»: девочка, начитавшись Чарской, не только под ее влиянием поступила в институт, но получила глубокую психологическую травму, за которой последовало обращение к врачам [Масловская, 1911]. Однако проверить подлинность этой истории невозможно. Судя по всему, педагога Масловскую крайне испугала популярность Чарской, и она попыталась ее «критически уничтожить». Сопровождая почти каждую мысль отрицательными эпитетами, Масловская постоянно говорит о сюжетной и мотивной схожести всех произведений писательницы. В критическом пылу она даже дошла до рассуждений о частых случаях самоубийства среди молодежи под влиянием текстов Чарской. Рисуем предположить, что если бы эта работа была напечатана не в педагогическом журнале «Русская школа», а в более популярном периодическом издании, К. Чуковский не рискнул бы предложить годом позже свой очерк о Чарской или не избрал бы своим критическим приемом статистику шаблонных схем и мотивов.

В начале статьи Масловской, наряду с интересными рассуждениями о выборе книг детьми, об их оценке и рекомендациях родителями, разбирается «однообразность» произведений Чарской: социальная однотипность героев (сирота, бедная семья и пр.), их схожие характеристики (красота, ум, смелость), шаблонность и частотность конфликтов. Масловская довольно метко обращает внимание на искусственность и фантастичность некоторых сцен, на устойчивый прием «чудесного спасения» детей, находящихся в критическом состоянии (младенец на дереве чудесно обнаруживается охотником, лодка разбивается о невские пороги, а девочку чудесно спасают рыбаки). Не оставляет Масловская и критику

«языкового комизма» у Чарской, выражающегося в коверкании русского языка в иностранной речи.

Для более подробного анализа критик выбирает повесть «За что?» и на нескольких страницах анализирует ее, сопровождая это подробным пересказом. Но анализ этот, не столько литературно-критический, сколько педагогический и даже социальный. Анализируя самоощущение исключительности героини, Масловская называет это самовлюбленностью и эгоизмом, сравнивает с дневниками Марии Башкирцевой, говорит, что такое самоощущение требует соответствующих сцен и декораций и проводит мысль, что исключительность может выразиться и танцами а la Дункан.

Выбрав такую критическую риторику, Масловская уже не видит в произведениях то, что видят дети. Сцены раскаяния героини, которым посвящено немало места в повести, Масловская оценивает с недоверием. При этом возникает обычный педагогико-критический трюизм: обозначается «нежизненность», объясняется, что такое «жизненность», и приводится пример литературной демонстрации такой жизненности. То, что логически такой анализ не выдерживает никакой критики, нисколько не беспокоит автора рецензии. Педагог ставит задачу: объяснить родителям вредность Чарской и действует путем «нанизывания» отрицательных эпитетов. Пример алогичности Масловской можно привести в ее рассуждениях о раскаянии героев Чарской:

Но непонятнее всего, почему Лида просит прощения у мачехи, и в чем она раскаивается; объяснение мы находим только в том, что эти проблески раскаивания — не проблески чувства, а сентиментальности. Ведь раскаивание — это понимание того, что ты своим поступком нарушил гармонию, которая должна существовать в мире; понять свой поступок значит одновременно понять и гармонию жизни, и те диссонансы, которые происходят по нашей вине; тот, кто это понял, не может уже испытывать чувство радости. Детям такое понимание, в общем, недоступно. Те же, которым пришлось подобное раскаяние, уже навсегда потерял детскую беззаботность. Не могу не указать на повесть Вильденбруха «Зависть», где талантливо описаны страдания восьмилетнего мальчика, который раскаялся в том, что жестоко дразнил своего младшего брата. При чтении ясно представляешь себе ужас этих страданий и понимаешь, почему мальчик перестал улыбаться [Масловская, 1911, с. 109–110].

Иными словами, юный читатель должен осознать свой проступок как нарушение космоса, но сам же критик говорит о недоступности такого понимания детям.

Упрекая Чарскую в повторяемости, Масловская грешит тем же. Практически вся статья сведена к критике индивидуальности героинь Чарской, к констатации отсутствия семейной любви в произведениях писательницы и, самое главное, к «апологии» героев-педагогов. Масловская отчаянно отстаивает честь педагогического цеха, считая, что публичная защита убедит родителей:

Все это происходит в книгах; но так ли это в жизни? Если нет, то как родители могут читать такой пасквиль на педагогов, как никто из них — простите за выражение, забросанных грязью классных дам не сказал хотя бы слово протеста, как не указал на всю несправедливость и вред этих пасквилей? Находясь в самом сердце этой жизни, они имеют полнейшую возможность опровергнуть эту клевету. Если же это не клевета, если есть хоть сколько-нибудь правды в написанном Чарской о педагогах и институте, то остается сказать родителям: прочтите хоть одну книгу Чарской, и если вы после этого решитесь отдать в руки таких воспитателей, обречь ваших детей на подобную жизнь, то Бог вам судья [Там же, с. 123–124].

Очевидно, что критик не учел разницы литературы и жизни и приводит примеры поведения педагогов или отношения к ним из произведений Чарской, которые его возмущают: а) институтские учительницы не имеют педагогических знаний, а стремятся скорее выйти замуж; б) все педагоги имеют прозвища: от «Кочерги» и «Блюхи» до «Вампира» и «Японской шпионки»; в) малейшая ошибка учителя вызывает его травлю со стороны учеников; г) критика раздражает физиономические описания учителей, например: «Учитель сначала побледнел, потом покраснел и притом так сильно, что его лиловый нос принял разом фиолетовый оттенок»; д) учителя постоянно оскорбляют учеников; е) учителя борются за успеваемость в классе и стремятся, чтобы дети сдали переходной экзамен, поскольку на экзамен приглашаются педагоги из других гимназий; ж) институтки, если и ценят учителя (прежде всего *madam*), то только за его знатное происхождение.

Критик завершает статью одним комплиментом Чарской: «Книги Чарской захватывают большую область детской жизни, касаются разных сторон детской психики, пишет она очень легко и живо, то неудивительно, что эти книги не могли пройти незаметными, а сама она не может пройти беззаботной для читателей» [Там же, с. 124]. Но этот комплимент снимается поучением об ответственности детского писателя перед своими читателями: «К несчастью, ее книги некоторым образом представляют

то волшебное зеркало Андерсена, в котором дурное отражается хорошим; она умеет рассказывать о печальных явлениях детской жизни так, что ее книги являются не обличением, а воспеванием. Чарская является знаменем времени: высокие идеалы падают, на все смотрят легче» [Масловская, 1911, с. 124]. Критик считает, что сейчас «дети заблудились, они ищут, кто им споет об идеалах, о том стремлении их к Высшему, которое бессознательно живет в их душе». В итоге она сравнивает Чарскую с гаммельнским Крысоловом, который заводит детей в омут, играя на волшебной дудочке, и топит их: «...она поет пошлые мелодии жизни, дает мишуру, побрякушки ложно понятого героизма, заставляет детей любить их — и заводит в то болото пошлости, из которого нет возврата уже по одному тому, “что привыкший ползать, летать не может”» [Там же, с. 125].

Из негативных отзывов о Чарской наиболее известна критическая статья Корнея Чуковского «Лидия Чарская», опубликованная одновременно в сентябре 1912 г. в «Речи» и «Современном слове» и моментально вызвавшая несколько откликов. Популярность этой статьи и столь долгая память о ней объясняется тремя причинами: она опубликована не в педагогических изданиях, преимущественно рецензировавших детскую литературу, а в двух авторитетных газетах; данная статья находилась в общем критическом мейнстриме, а не в русле специализированной критики, и ее автором был один из ведущих литературных критиков. Стоит упомянуть, что это одна из немногих критических статей, посвященных детскому писателю в общем потоке литературной критики.

Статья К. Чуковского в какой-то степени театральна, она откровенно ерническая, и построена на оригинальных риторических приемах. Начав с псевдовосхищения «появлением в России великого писателя» и цитат из отзывов девочек-читательниц (скорее всего, из «рекламных» писем в «Задушевном слове»), где Чарская сравнивается с Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем, представив ошеломляющую статистику в пользу чтения Чарской (в одной из библиотек книги Жюль Верн взяли 232 раза, а Чарскую — 790 раз, из 346 детских писем о прочитанных книгах в 282 случаях говорилось о Чарской и т. д.), автор переходит к исследованию самого творчества Л. Чарской, основываясь на прочтении, по крайней мере, шестнадцати ее повестей. Отметим, что это единственный критик Л. Чарской, который оперирует таким количеством произведений⁶.

Очертив общие контуры популярности книг Чарской, К. Чуковский начинает поступательно «снижать» оценку художественного уровня ее произведений. Чуковский как бы читает одну книгу Чарской за другой, подсчитывая и фиксируя «шаблонные» сцены, подкрепляет их примерами и ведет диалог с некой читательницей — Лялочкой, которая постепенно «прозревает», обнаруживая повторяемость мотивов и событий практически в каждом произведении писательницы. Тезисы Чуковского завершаются характерными восклицаниями, усиливающими комически-эмоциональный потенциал критики и развенчивание творчества Чарской (от «Не угнаться за ней старику Жюлю Верну!» до «Институтскую бонбошку нужно иметь вместо сердца, чтобы дойти до такого тартюфства!») [Чуковский, 1912]⁷.

Первоначально Чуковский демонстративно «считает» частотность сцен обморока у юных героинь и приходит к выводу о присутствии данных сцен практически в каждой книге писательницы. Затем перечисляет повторяемые сцены ужаса (ураганы, пожары, разбойников, выстрелы, дикие сцены, пытки, кораблекрушения, столкновения поездов, нападения на героинь волков, каторжников, диких зверей), демонстрирует фрагменты из текстов Чарской со словом «ужас», что позволяет критику припечатать творчество писательницы хлесткой формулой «фабрика ужасов», а читателей назвать «ошалевшими» детьми. После демонстрации мотивов страха во втором разделе критик перечисляет сцены коленопреклоненного раскаяния и частотного «лобызания» («мазохическое лобызание») рук подруг и учителей, ног, платьев. Далее следует подсчет болезней, спасений и пр.

Прерывая свой «подсчет», во второй части статьи Чуковский заключает:

Мне даже стало казаться, что никакой Чарской нет на свете, а просто — в редакции «Задушевного слова» где-нибудь в потайном шкафу имеется заводной аппаратик с дюжиной маленьких кнопочек и над каждой кнопочкой надпись: «Ужас», «Обморок», «Болезнь», «Истерика», «Злодейство», «Геройство», «Подвиг», — и что какой-нибудь сонный мужчина, хотя бы служитель редакции, по вторникам и по субботам засучит рукава, подойдет к аппаратику, защелкает кнопками, и через два или три часа готова новая вдохновенная повесть, азартная, вулканически бурная — и, рыдая над ее страницами, кто же из детей догадается, что здесь не малейшего участия души, а все винтики, пружинки, колесики... [Там же, 1912].

Вместе с тем, К. Чуковский, хоть и не отвечая на вопрос «Почему читают?» и не обозначая самого явления, приписывает произведения Чарской к разряду массовой литературы, считая последнее «малоисследованным социальным явлением», которому присущи «банальность, вульгарность, тривиальность, безвкусица, фарисейство, ханжество, филистерство, косность» [Чуковский, 1912]. Обозначив Чарскую «воистину гением пошлости», в заключительных, третьей и четвертой частях статьи, Чуковский подверг остракизму «патриото-казарменную» пошлость военной прозы писательницы и «институтские» повести. Первые — за засилье ура-патриотических и монархических идей и неумную жестокость описаний (частотное «крушение врага» вплоть до поджаривания пяток «иноверцам» в одном из примеров). В 1934 г. на Первом съезде советских писателей Чуковский будет отчасти цитировать свою статью, правда, разовьет эту мысль до лексического неприличия: «Чарская отравляла детей сифилисом милитаристических и казарменно-патриотических чувств» [Чуковский, 1934, с. 180].

«Институтская» часть также критикуется по «чувствам и мотивам»: «...поцелуи, мятные лепешки, мечты о мужчинах, невежество, легенды и опять поцелуи — таков в ее изображении институт» [Чуковский, 1912]. Критикуя Чарскую, Чуковский негативно оценил все женско-институтское образование:

Вся эта система как будто нарочно тому и направлена, чтобы из талантливых, впечатлительных девочек выходили пустые жеманницы с куриным мировоззрением и опустошенной душой. Не будем же слишком строги к обожаемой Лидии Алексеевне [Там же].

Чуковский критиковал Чарскую за шаблонность, пошлость, и не в последнюю очередь за популярность среди детей-читателей. Но вопрос о причинах ее популярности он, строго говоря, обошел, упрекнув юных читателей и их родителей в литературном безвкуси.

Педагог В. Э. Фриденберг в своей обширной статье осуществил попытку ответить на этот вопрос, но сделал это весьма своеобразно. В своей статье «За что дети любят и обожают Чарскую?» он развивает другую форму «античарской» риторики. На двух больших страницах (4 полосы) автор подробнее живописует психологические черты женщины и ее красоту. Затем стиль меняется, и Фриденберг через пример наблюдения женщин в фойе театра очерчивает их современные черты: «...аляповатые маски, сквозь которые совершенно не проглядывают человеческие

черты» [Фриденберг, 1912, с. 2]. Автор утверждает, что представление о красоте у женщин совершенно огрубело, женщину отличает «лживость и кокетство, в смысле произвести впечатление на мужчину» [Там же, с. 3]. Автор, после изрядного перечисления современных женских пороков, заключает, «что это печальное благоприобретение, следствие воспитания» [Там же, с. 3]. Резонерская позиция автора приводит его к мысли, что современная женщина ведет бутафорскую жизнь. Далее следует еще более шокирующий пассаж, обвиняющий и литературу в «развращении» женщины: «И вот современная жизнь выработала, а художественная литература закрепила в художественных образах новый тип удовлетворения полового томления расколотых половинок человеческого рода» [Там же, с. 4]. Снова возвращаясь к социальному дискурсу, критик описывает женские пороки всех классов и приходит к выводу, что

...все меры и все приемы воспитания девочек направлены к тому, чтобы воспитать бездушных кукол, манекены для мишурных нарядов, развить в них именно те черты, которые ценятся в развращенном мире мужчин [Там же, с. 4].

И такое воспитание приводит девочек к тому, что

...они ищут верного зеркала, которое, как в фокусе, сосредоточило, собрало воедино обрывки тех удовольствий, ослепительных, резких, но не глубоких переживаний чувства, театрального героизма, которые встречались в их личной жизни. Чарская своими произведениями и дает им богатый материал увлекательно живо, и главное, легко написанный [Там же, с. 4].

Заметим, что имя писательницы встретилось только в конце третьей страницы текста, причем критик чрезвычайно боится влияния Чарской. И здесь рецензия приобретает довольно грубую форму, из которой следует, что книги Чарской являются едва ли не основным источником женских пороков, поскольку пишет она легко, «фабула ее книг забавна», а проповедует она только «лживость, кокетство и легкомыслие». Особенно категоричен В. Фриденберг, высказываясь по вопросу «полового томления»:

Произведения Чарской особенно действуют развращающее на юных девушек. Они находят в ней отзвук проснувшимся половым томлениям, организм, почувствовав присутствие в себе новых сил, новых потребностей расширяться, выйти из своих собственных границ, сразу встает на опасный путь смакования тех любовных переживаний, о которых

с такой легкостью, с таким бахвальством и особой развязанностью повествуют герои Чарской [Фриденберг, 1912, с. 4].

Произведения Чарской, как полагает автор статьи, значительно страшнее порнографии, поскольку она, в силу своей натуралистичности, отталкивает детей:

...другое дело интересное повествование о том, что общепринято, что окружает детей постоянно, и где присутствует тот же ужас, та же грязь, что и в порнографии, но все это в благопристойной обстановке, с фиговым листом невинности. Эта внешняя благопристойность Чарской большой соблазн не только для детей, но и для родителей. Опасность Чарской не столько в том, что она пишет, сколько в том, как она пишет [Там же, с. 5].

Написав такую «страшилку» о Чарской, Фриденберг все-таки оставляет часть вины на «старой школе» и полагает, что новая школа «совместного воспитания полов», при верном ведении дел, преодолеет кризисные моменты в воспитании девочек.

Более аргументировано попытался ответить на данный вопрос («Почему читают?..») в своей лекции педагог и библиограф В. Г. Комарницкий (1872–?), которая была опубликована в 1914 г. Он разделил проблему популярности книг Чарской на два аспекта и последовательно анализировал их: «С одной стороны, вопроса, за что дети любят Чарскую, и с другой стороны, вопроса, каково должно быть отношение воспитателей к этой владычице детских сердец» [Комарницкий, 1914, с. 1]. Считая, что Чарская родилась детским писателем, он заключает, что

...успех ее и увлекательный интерес ее рассказов объясняется счастливым сочетанием знания запросов юного читателя и несомненного таланта метко наблюдать, образно и правдиво изображать жизнь [Там же, с. 2].

Провозгласив («я слышал мнение») творчество Гоголя как наиболее соответствующее психологии детей, в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Миргороде» он находит черты романтизма и реализма и считает, что творчеству Чарской это также свойственно («хотя в иных формах и оттенках») [Там же, с. 3].

Анализируя героический романтизм, «главным образом исторического вида», который ярко выражен в некоторых повестях Чарской, В. Комарницкий считает изображение героической борьбы «трогательной и теплой; каждый читающий невольно переживает все тревоги и все надежды каждого из героев» («Газа-

Илл. 4, 5. Иллюстрации художника А. Бальдингера к повести Л. А. Чарской «Записки маленькой гимназистки» (М. : Издательство М. О. Вольфа, 1910)

ват». — В. Г.); обосновывает читательскую симпатию ко всем храбрым, любящим свою родину, свободу». («Грозная дружина». — В. Г.) [Там же]. По его мнению, Чарская великолепно угадала потребность детской психики, поскольку «...все героическое полно привлекательных черт для детского возраста, испытывающего особенную потребность во всем сказочном, величественном и героическом...» [Там же, с. 4].

Закончив говорить о романтизме, В. Комарницкий отдает должное Чарской как реалисту (Илл. 4, 5), заключив, что

...темы взяты из действительной жизни, которая представлена вполне реально. Институтская жизнь, класная жизнь, класные дамы, первые подруги, ученицы, горе и радости учащихся, бедная жизнь детей улицы; черты кавказского быта, шалости, проделки учащихся, — все это взято из окружающей и хорошо известной нам жизни [Там же, с. 5].

Автор статьи приводит несколько примеров «языковых удач Чарской» и, подводя итог, полагает,

...что литературное дарование Чарской характеризуется, во-первых, соединением романтического и реалистического и, во-вторых, музыкальными и эмоциональными ритмами в речи, встречающимися, к сожалению, только в некоторых местах и только в некоторых повестях. Эта музыкальность и эмоциональность ритмических периодов,

напоминающая нам прозу Гоголя, также манит к себе юную читательницу [Комарницкий, 1914, с. 5].

Следует признать, что попытка В. Комарницкого серьезно обосновать популярность Чарской была чуть ли не первой и одной из немногих. Но далее автор ставит вопрос: «Как же использовала Чарская свой талант?», — и все возвращается на педагогические круги своя. Критик упрекает Чарскую за то, что

1. Герои Чарской считают себя необыкновенными:

Чарская явно культивирует в девочках привычку любоваться собою, идя навстречу дурным инстинктам женской психики, мы заподозриваем талантливую писательницу в стремлении к дешевой популярности и в приспособлении к грубым вкусам массового читателя. Вместо того чтобы поднимать и возвышать юного читателя, Чарская точно ему льстит [Там же, с. 8].

2. Младшие обожают старших.

3. Дружба у Чарской всегда ревностна.

4. Институтки делятся на две группы: «парфеток» и «мовешек»; «мовешки» беспрекословно несут иго «парфеток», которые кичатся своим именем.

5. Нет уважения к учителям, есть враждебность к педагогам. Много гнусных проделок над учителями, исключая титулованных мадам.

6. Абсолютизирована ценность титула.

Можно заметить, что Комарницкий начал критиковать Чарскую отчасти за то, за что ранее хвалил. «Гнусные проделки» в отношении учителей, как и «ревностная дружба» — явления вполне обычные, а их изображение вполне укладывается в реалистический канон. Однако в конце статьи В. Комарницкий отходит от аналитики и формулирует банально-педагогические постулаты: «Когда читаем Чарскую, больно становится за Тургенева, который завещал русским девушкам другие идеалы: идеалы героизма, да, но героизма скромного и смиренного» [Там же, с. 9]. Продолжая апеллировать к классикам, Комарницкий продолжает: «Чарская для реального взгляда взяла пошлую сторону современной школьной и детской жизни. Но будучи талантом второго порядка, она вместо гоголевского сострадания и таланта внесла развязность и легкомыслие» [Там же, с. 12]. Затем автор как бы возвращается к своему противоречию, по его мнению, реалистичность литературная не может совпадать с реализмом действительности, поскольку детская литература должна ставить своей

целью изображение идеалов, а героини Чарской слишком жизненны [Там же, с. 12]⁸.

В заключение Комарницкий делает вывод: «чтение Чарской или бесполезно, или вредно» [Там же, с. 13]. Тем не менее, последние абзацы брошюры достаточно актуальны. Автор четко ставит задачи перед детской литературой, определяя при этом и принципы критики:

Литература, назначенная для детей, должна их щадить, она должна возвыситься над пошлой обстановкой, тем более что сейчас наши дети и юноши заблудились. Пусть же детская литература скорее споет нашим детям иные песни, песни о светлой жизни и о любви к людям; пусть она напомним о тех идеалах, которые уже давно воспеты, о тех идеалах, которые до сих пор сияют в великих творениях наших корифеев слова [Там же, с. 13–14].

Мы привели в пример наиболее крупные критические работы о Чарской, но это не значит, что у критики не было другого мнения. Иногда появлялись положительные рецензии, иногда — серьезные исследования, авторы которых считали Чарскую уникальным явлением современности и вступали в дискуссию с ее хулителями.

В числе этих работ прежде всего следует указать брошюру известного писателя и журналиста С. Ф. Либровича (1855–1918) «За что дети любят Чарскую» (М., 1913), вышедшую под псевдонимом «В. Русаков», в которой предпринята попытка подвести определенный итог спорам о Чарской. Сложно сказать, насколько непредвзятым было это критическое исследование. Во-первых, С. Ф. Либрович более 40 лет сотрудничал в издательстве М. Вольфа, основного издателя сочинений Чарской; во-вторых, он служил секретарем редакции журнала «Задуманное слово», где она преимущественно публиковалась; в-третьих, его перу уже принадлежал один восхищенно-мелодраматический очерк о Чарской⁹. Определенное преимущество данной статьи заключается в том, что Либрович дал полный историко-тематический очерк творчества Л. Чарской; представил выписки из десятков рецензий на ее книги, как позитивных, так и негативных. Критик представил объемный список отзывов детей и родителей, где они отвечали на вопрос о том, почему они выбирают книги Лидии Чарской и за что они их любят¹⁰.

Но главное не в этом. Совершенно не соглашаясь с панегирической оценкой творчества Чарской, данной Либровичем, признаем, что он очень точно вычленил основные «упреки» критиков

в ее адрес: повести Чарской слишком занимательные, чересчур приковывают внимание юных читателей и увлекают их; «приподнятость» и восторженность языка; постоянность «романтического тона»; частотность и повторяемость сцен, сентиментальность, «героини ее произведений постоянно обнаруживают уродливые наросты женской психики, а герои в большинстве случаев представлены золотой молодежью, которая рукоплещет всем особенностям девушек» [Русаков, 1913, с. 32] (в данном случае автор цитирует Фриденберга, замечая, что Чарской ставят в упрек, «что она рисует действительную жизнь юного поколения такую, какая она есть на самом деле» и в то же время требуют, «чтобы она лгала»). А еще, как отмечает Либрович, критиков-педагогов чрезвычайно возмущает тот факт, что дети простодушно сравнивают любимую писательницу с Пушкиным, Тургеневым, Гоголем и пр. и ставят ее с ними в один ряд.

Итак, Либрович высказывается в своей брошюре однозначно: критики раздражены прежде всего популярностью Чарской.

Сам Либрович увидел достоинства повестей Чарской в следующем: они отвечают запросам детской души; в них присутствует интересный, захватывающий сюжет и увлекательная фабула; писательница смотрит на юного читателя как равноправного гражданина и т. д. Либрович отмечает отсутствие в текстах Чарской «трафаретных подделок под речь ребенка», «прописной мещанской морали и морализаторства» [Там же, с. 20–21]. Чарская умеет так «комбинировать жизненные отношения», что в душе «маленького читателя незаметно вырастают высокие чувства любви и жалости к обиженным и оскорбленным» и «несомненно» возбуждает в юных читателях интерес к русской истории и ее изучению [Там же, с. 21]. Либрович резюмирует: Чарская заменила в детской литературе «благодетельных Катей и Ваней» [Там же, с. 39] живыми современными героями, как «незаурядными, исключительными, сильными», так и «нервными, развинченными» типами [Там же, с. 39], что вызывает у читателя, в первом случае, энергию, смелость, веру в собственные силы.

Дав обещание не цитировать Чуковского, Либрович все-таки сделал это, отметив, что даже Чуковский вынужден признать, что «Чарская несомненно талантлива», и заключил критический очерк словами, что Чарская может ответить «хулам и нападкам» словами древнего писателя: «Я сделала все, что могла; пусть другие сделают лучше» [Там же, с. 40]¹¹.

III

Если до 1914 г. негативная критика Чарской чаще всего была вызвана к жизни ее популярностью, то во время Первой мировой войны сочинения Чарской чаще всего критиковали из-за их урапатриотического содержания, и вполне заслуженно. Так, например в 1915 г. Чарская выпустила повесть «Игорь и Милица» (Илл. 6), где герои — бежавшие на войну гимназисты, совершают «ежестраничные» подвиги и оказываются чудом спасены в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях. В том же 1915 г. Чарская выступила со стихами в хрестоматии К. Лукашевич «Великая война», которые заканчивались строками:

О, родина, утри святые слезы
И верь, что славою закончится война!

Вместе с тем, критики детской литературы в массе своей уже заняли достойную гуманистическую позицию и большинство произведений для детей, связанных с войной, рецензировалось исходя из этих принципов¹². Жестко критиковались книги, где были представлены:

- «Ура-патриотизм»;
- Изображение ужасов войны;
- Изображение войны с участием детей и особенно детей-героев;
- Изображение войны как спорта;
- Издевательство и унижение противника;
- Пропаганда шовинизма в детской литературе.

Надо признать, что повесть «Игорь и Милица» обладала всеми шестью признаками и действительно представляла собой своего рода пособие по воспитанию шовинизма, «агитку» по бегству на фронт и альбом ужасов войны. Достаточно привести одну сокращенную цитату:

Незаметно среди воспоминаний и грез, охвативших ее юную голову, проползла Милица весь положенный путь до самого селения. Теперь белый костел и крестьянские избы находились от них всего на протяжении какой-нибудь сотни шагов. Но то, что увидела девушка там впереди — на площадке костела, едва не вырвало крика ужаса из ее груди. У самой паперти храма росли деревья: два старые каштана, почти что обнаженные от листвы, и к стволу обоих было привязано по человеку... Белые рубахи этих несчастных были сплошь залиты кровью, и в нескольких местах тела зияли страшные следы сабельных ударов.

На сучке одного из деревьев болтался повешенный за шею третий несчастный... А белые домики и костел, казавшиеся такими чистенькими и красивыми издали, вблизи представляли из себя одни жалкие груды развалин... Следы пожара и разрушения виднелись повсюду... [Чарская, 1915, с. 105–106].

Рецензент оценил это произведение следующим образом:

Прочтешь эту книгу и с горечью подумаешь — неужто эту книгу написала интеллигентная женщина? Какое непростительное легкомыслие писать такие книги для детей. Война подняла для нас всех взрослых интеллигентов ряд мучительно-сложных и подчас неразрешимых вопросов. Но кое-что все-таки ясно и теперь: нельзя вмешивать в войну детей и подростков и нельзя лгать. Если изображать войну, то так, как она есть, не вводя в заблуждения целые будущие поколения. Ведь в их руки передаем мы разрешение вопроса о том — быть или нет войне. И им надо говорить правду. А в повести Чарской — все ложь, все грубый и лживый лубок. Есть на войне и подъем и воодушевление, могущие в отдельные моменты заглушить страх смерти, есть бесстрашие и героизм, но ведь это яркие пятна на общем фоне лишений, заглушенного страха и страданий. Долг солдата — тяжелый долг, исполняемый очень часто с большим напряжением и горем, а у г-жи Чарской все весело, все празднично, все умирительно: никто смерти не боится, все благодушны, солдаты нежны к мальчишкам, начальники и подчиненные в прекрасных отношениях, везде успех, мы всюду побеждаем, и вообще все очаровательно. Война — это по Л. Чарской ряд подвигов и наград, ряд сильных переживаний, для которых окружаю-

Илл. 6. Иллюстрация художника Н. Герардова к повести Л. А. Чарской «Игорь и Милица: Соколята. Повесть для юношества из великой европейской войны» (Петроград, 1915)

Илл. 7, 8. Иллюстрации художника Н. Герардова к повести Л. А. Чарской «Игорь и Милица» (Петроград, 1915)

щие смерти, разорванные тела и т. п. лишь фон, только ярче подчеркивающий лишь славу описываемых героев. Но как в 13–14 лет, прочитав такую книгу, не убежать мальчику или даже девочке на войну? Книга, вероятно, и написана с целью такой пропаганды, иначе и нельзя объяснить намерений автора [Абрамова, 1916, с. 172–173].

В целом, создается впечатление, что, предложив критику повести «Игорь и Милица», авторы журналов «Что и как читать детям» и «Новостей детской литературы» и другие критики предпочли о Чарской больше не писать, и ей чаще всего давалась одна и та же оценка: «Все то же самое». Даже в рецензиях «Педагогического сборника, издаваемого при Главном управлении военно-учебных заведений», исключая осуждение произведений «патриотического» толка, произведения Чарской, включая «Игоря и Милицу» не получали никакого одобрения¹³.

Следует признать, что к этому моменту критика «устала от Чарской», и ее новые, но достаточно трафаретные произведения уже не получали столь живого критического отклика, как в 1911–1913 гг.

IV

После революции имя Чарской достаточно долго не появлялось в советской критике. Несмотря на то, что ее книги были включены в «Инструкцию политико-просветительского отдела Наркомпроса о пересмотре каталогов и изъятии устаревшей литературы из общественных библиотек» как подлежащие исключению (в этом списке, впрочем, фигурировали и Достоевский, и Шекспир), в 1920-е гг. под псевдонимом «Н. Иванова» она выпустила четыре книги для малышей и изредка публиковала свои короткие рассказы. Тем не менее, отметим рукописную статью Ф. Сологуба о Чарской, датируемую 1926 г. и предполагаемую к изданию в журнале «Звезда», в чем редакция ему отказала. Следует упомянуть и возможную причину ее появления, не имеющую отношения к литературе и критике. Чарская находилась в крайне затруднительном финансовом положении, и появление такой статьи могло мотивировать частных издателей к публикации ее повестей. Сологуб заявил, что «Литературное достоинство Лидии Чарской, не оцененной, к сожалению, русскою критикой, очень велико». В качестве аргументов Сологуб пишет об «эмоциональной насыщенности ее стремительной речи», о превосходном построении ее рассказов: «течение ее рассказа развивается естественно, живо, стремительно и не загромождается ничем лишним». Чарская, по мнению Сологуба, «...обладает большим умением изображать характеры людей и внешние их приметы. При этом она соблюдает истинно-художественную экономию средств». В очерке Сологуба отчетливо чувствуется тенденция защиты писательницы. «Критика не поняла Чарскую, увидела в ней только восторженность, не угадала смысла этой восторженности и слишком слепо осудила одно из лучших явлений русской литературы», — пишет он [Архив, 1926, с. 5]. Некоторые мысли и замечания Сологуба достаточно оригинальны и впервые встречаются в критике детской литературы, например:

Чарская имела большую смелость сказать, что дети не нуждаются ни в воспитании, ни в исправлении от взрослых, что настоящее воспитание и, в случае надобности, исправление они получают в другом, более надежном месте, получают только в товарищеском единении. И еще большую дерзость, — хотя, конечно, после Льва Толстого и не новую, — учинила Чарская, показавши, как и сами взрослые воспитываются и исправляются детьми [Там же, с. 5]¹⁴.

К сер. 1930-х гг., когда линия бифуркации между дореволюционным и советским временем искусственно подчеркивается как резкий, окончательный, единовременный перелом и мифологизируется, имя Чарской вновь стало появляться в критике. В 1932–1933 гг. В. Шкловский вновь начинает «погромную» традицию критики Чарской, включив в две своих статьи о писательнице идеологическую составляющую. В статье «О пище богов и о Чарской» Шкловский, узнав о чтении пионерами Чарской, Лукашевич и «Маленького лорда Фаунтлероя» Ф. Бернетт, заявляет, что книги Чарской были «пищей карликов», которая, в отличие от настоящей литературы — «“пищи богов”, тормозила развитие юного человека» и что «книги эти плохие, написанные жалким бедным языком» [Шкловский, 1932]. Следует отметить, что «Маленькому лорду Фаунтлерою» досталось еще больше: «Носить первого мая на палке чучело Керзона или Чемберлена и дома читать маленького лорда — это значит иметь два сердца и две шкуры» [Там же]. Впрочем, во второй статье («Кяжна Джаваха»), где Шкловский упрекает Чарскую в национализме, содержится ряд фактических ошибок, на которые через год укажет Елена Данько [Шкловский, 1933].

Очевидно другое — Чарская, по крайней мере, до середины 1930-х гг. продолжала быть популярной среди детей, причем детей нового поколения, научившихся читать после революции. Поэтому два корифея детской литературы, Самуил Маршак и Корней Чуковский, на Первом съезде писателей однозначно сформулировали свои позиции. Маршак заявил, что «убить» Чарскую «было не так-то легко», и она продолжает «жить в детской среде, хотя и на подпольном положении»¹⁵. А К. Чуковский сказал, что «Чарская отравляла детей тем же сифилисом милитаристических и казарменно-патриотических чувств»¹⁶. Интересно проследить, как перекликаются взгляды Маршака и Чуковского с последним очерком о Чарской, вышедшим в советский период — в 1933 г.¹⁷ На наш взгляд, этот очерк, принадлежащий перу писательницы Елены Данько (1897/1898–1942), является одной из самых интересных работ о Чарской, сравнимой с «античарским» памфлетом Чуковского или очерком «за Чарскую» Сигизмунда Либровича. До 2-й пол. 1980 гг., то есть до начала реформ эпохи перестройки, этот очерк был последней критической публикацией о творчестве Чарской¹⁸. Елена Данько не хвалит Чарскую, считает, что с ней надо бороться, но очень внимательно замечает и анализирует ее литературные приемы. Она не считает Чарскую достойной чтения,

но и не упрекает ее читателей в безвкусице. Она не обвиняет Чарскую в «нежизненности», наоборот, приводит примеры соответствия поведенческих моделей героев Чарской и советских пионеров. Автор статьи показывает собственный достаточно репрезентативный социологический материал по результатам опросов детей-пионеров¹⁹, который отнюдь не свидетельствует о том, что Чарская теряет свою популярность у читателей-пионеров, несмотря на все ее запреты. Е. Данько на конкретных примерах фиксирует, что советская детская литература не использует любопытных приемов Л. Чарской и поэтому не достигает такой популярности.

Первоначально Данько, после демонстрации анкет пионеров «за Чарскую», как бы следует методике К. Чуковского. Она отмечает повсеместную игру писательницы «на все нарастающем чувстве жути» и «ужасов» переживаний героинь, попавших в руки злодеев. Однако вывод, к которому приходит автор статьи, скорее неожидан:

Но до определенного возраста читатель использует любой материал, лишь бы этот материал какой-то своей стороной годился на потребу формирующейся психики читателя, служил трамплином для воображения и указывал выходы собственной, возрастной героини читателя. Книги Чарской отвечают этим условиям [Данько, 1933, с. 127].

Приведя в пример начало трех повестей Чарской, где описывается ночная гроза и буря, Елена Данько отмечает, что сегодняшние пионеры ведут себя аналогично героям повестей²⁰ и признает, «что такое начало книги забирает мертвой хваткой нашего “искателя романтики” <...> Читателя уже “не докличешься к обеду”» [Там же, с. 128].

В качестве следующей причины привязанности к Чарской Елена Данько считает ее прием изображения перехода героя «от худшего к лучшему», а многие советские детские книги «изображают судьбу героя как сплошной переход “от плохого к худшему”»: «Наш “искатель романтики” — убежденный оптимист. Книги Л. Чарской привлекают его тем, что в них после опасных приключений, ужасов, страданий наступает и время удач и побед героя» [Там же, с. 129].

Критик отмечает, что ребята требуют сюжетных книг («Читатель изголодался по сюжетной литературе»). Но таких книг в советской литературе откровенно мало. Правда Елена Данько дает этому объяснение:

Советские писатели завоевали для детской книги конкретное материалистическое содержание. В детскую литературу хлынул огромный, совершенно новый материал. Задачи освоения этого материала стояли на первом плане, задачи построения сюжета — на втором [Там же, с.130].

И опять критик делает экивок в сторону Чарской: «Знакомый, привычный материал остро воспринимается читателем лишь в том случае, если он построен сюжетно и развязка — неожиданна» [Там же, с. 131].

Четвертая причина популярности писательницы, по мнению критика связана с тем, что «в произведениях Л. Чарской уделяется много места и внимания личности и психике героини и ее отношениям с окружающими»²¹. Данько ставит в укор советской детской литературе, что «...современный детский писатель стесняется любить своего героя. Мало того, он стесняется говорить о чувствах героев иначе, чем показом внешних проявлений этих чувств» [Там же, с. 132]. На конкретном примере из рассказа А. Углова «На Волге» иллюстрируется, что упоминание в тексте одной конкретной детали, относящейся к персонажу, еще не устанавливает эмоционального контакта между читателем и героем. И автор очерка замечает: «Л. Чарская не преминула бы растрогать читателя мыслями девочки» [Там же].

Как это ни парадоксально для советской критики, Данько очень точно замечает, что:

основная тема Л. Чарской, тема, по которой идет нарастание романтических событий, — бунт одаренной личности против условностей среды, протест героини против серых, “обыкновенных” людей, готовых обезличить и поработить непонятную им индивидуальность [Там же, с.134].

Без акцентировки, но автор очерка указал на некоторую революционность героев Чарской.

И даже в отношении игры Чарской «...на неосознанной чувственности своего читателя. Страницы ее книг пересыпаны поцелуями» [Там же, с. 136]. Елена Данько делает вывод, что советских юных читательниц вполне закономерно интересуют проблемы пола и подкрепляет это данными читательского репертуара девочек-пионерок.

Повторим, никто не предлагает сделать из Данько защитника Чарской. Она совершенно не воспринимает моделей воспитания

«по Чарской» и даже заявляет: «“Принципиальные” читательницы Чарской — последние могикане этого типа. Они находятся в непрерывном конфликте со школьной средой» [Данько, 1933, с. 138]²². Критикуются и политические воззрения автора, ведущие к тому, что «увлеченный героикой» читатель не сможет опознать в герое откровенного классового врага. Елена Данько сетует, что читатель «...бессознательно всасывает лубочный монархизм и лубочный шовинизм» [Там же, с. 130]. Но, в конце концов, критик не обвиняет читателей, а упрекает советских детских писателей, хотя лексико-стилистический словарь последнего абзаца отчасти портит впечатление от всей наблюдательной критики в отношении Чарской Елены Данько:

Читатели книг Чарской в массе отнюдь не бросовой, не попорченный человеческий материал. Они заслуживают того, чтобы им дали книгу, отвечающую на их законные возрастные запросы. Но не следует забывать, что автору детских книг нечему учиться у Чарской. Книги Чарской — не первоисточник, а дешевенькая копия, переводная картинка, пошлый лубок. Если читатель удовлетворяет свой здоровый голод жалким суррогатом литературы, мы должны дать ему не такой же суррогат, а здоровую пищу [Там же, с. 140].

Если резюмировать весь корпус критических работ о Чарской за период 1900–1930-х гг., то, к сожалению, приходится признать, что педагогический пафос («боязнь чтения Чарской») оказался здесь значительно сильнее, чем аналитическое начало. Редкие тонкие наблюдения о специфике сюжета и приемов у Чарской, формах детской массовой литературы и массового чтения трудно вычленимы за часто повторяющимися тезисами о стереотипности сюжета и экзальтированности героев.

Возращение к критике и исследованиям творчества Чарской пришло стараниями Евгении Оскаровны Путиловой только в 1989 г.²³ и с тех пор «чарсковедение» стало предметом монографий, диссертаций, сотен статей и даже сайтов ее поклонников²⁴.

Источники

[Архив Ф. Сологуба] РО ИРЛИ, ф.289, оп.1 (доп.), ед.хр. 57. С. 1–6.

Абрамова В. Лидия Чарская. Игорь и Милица. (Соколята) // Что и как читать детям. 1916. № 5–6. С. 172–173.

Биржевые ведомости. 1905, № 620. С. 6.

Война и дети // Что и как читать детям. Критико-библиографический ежемесячный журнал. 1915. № 1. С. 20–21.

Воровский В. Цыпочка // Зритель. 1905. № 9. 7 авг.

- Гловский М.* Задушевная поэтесса // Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф (Вестник литературы). 1910. № 2. Стлб. 40–41.
- Данько Е.* О читателях Чарской // Звезда. 1934. № 3. С. 124–140. Исторический вестник. 1905. № 12. С. 121.
- Князев В.* На очередные темы // Сатирикон. 1912. № 39. С. 6.
- Комарницкий В.* Чарская как детская писательница. Варшава, 1914.
- Масловская З.* Наши дети и наши педагоги в произведениях Чарской // Русская школа. 1911. № 9. Отд. 1. С. 102–125.
- Маршак С. Я.* Содоклад С. Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934 (стенографический отчет). М., 1934; (репринт, 1990).
- Московские ведомости. 1909. № 23. С. 12.
- Наркевич А.* «О сочинениях Л. Чарской» // Детская литература. 1939. № 7. С. 62–68.
- Правительственный вестник. 1904. № 23.
- Путилова Е. О.* О забытых именах, или О «феномене» Л. Чарской // О литературе для детей / Ленингр. дом дет. кн. изд-ва «Детская литература». Л., 1989. Вып. 32. С. 73–97.
- Путилова Е. О.* Ф. Сологуб и Л. Чарская // Русская литература. 1995. № 4. С. 159–168.
- Речь. 1909. № 13.
- Родников В.* Очерки детской литературы. Киев, 1912.
- Русаков В.* Как живет и работает автор «Княжны Джавахи» // Задушевное слово для старшего возраста. 1913. № 43. С. 2–3.
- Русаков В.* [Либрович С. Ф.] За что дети любят Чарскую? СПб., 1913.
- Саввин Н. А.* Опыт ежегодника детской литературы. Детская литература и журналистика за 1913 год. М., 1914.
- Саввин Н. А.* Опыт ежегодника детской литературы. Детская литература 1909–1910 гг. М., 1911.
- Соболев М. В.* Новые повести Л. Чарской для юношества // Педагогический сборник. 1916. № 10. С. 476–481.
- Фриденберг В.* Новости детской литературы. 1912. № 6. С. 2–6.
- Цветаева М. И.* Памяти Нина Джаваха // Стихотворения и поэмы: в 5 т. Т. 1. N.-Y., 1980. С. 11–12.
- Чарская Л.* Игорь и Милица: Соколята. Пг.: Тип. акц. общ. «Дело», 1915.
- Чуковский К.* Чарская // Речь. 1912. 9 (22) сент.
- Чуковский К.* Современное слово. 1912. 9 (22) сент.
- Чуковский К. И.* Речь // Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934 (стенографический отчет). М., 1934; (репринт, 1990).
- Чехов Н. В.* Детская литература. М., 1909.
- Чехов Н. В.* Введение в изучение детской литературы: из лекции народным учителям на летних курсах по вопросам детской литературы и детского чтения. М., 1915.
- Шкловский В.* О пище богов и о Чарской // Литературная газета. 1932. № 16. 5 апреля.
- Шкловский В.* «Княжна Джаваха» // Звезда. 1933. № 5. С. 93–94.

Примечания

- ¹ См., напр.: Либрович С. Ф. (Русаков В.) За что дети любят Чарскую? СПб., 1913; Комарницкий В. Г. Л. А. Чарская как детская писательница: Доклад. Варшава, 1914.

² Чуковский К. Чарская // Речь. 1912. 9 (22) сент.; Современное слово. 1912. 9 (22) сент.

³ Цветаева М. И. Памяти Нины Джаваха [Цветаева, 1980, с. 11–12].

⁴ Прием неслыханно татарский, —
Не пожалел Чуковский Чарской.

Ам-ам! —

И нет ее, mesdemes,

Ам-ам!.. [Князев, 1912, с. 6].

⁵ См. там же: «Особенно типичною является вторая повесть, посвященная избранию стихийного характера Марфы и ее отважного сына Дмитрия. Следуя довольно верно историческому изложению, рассказ все же изобилует сильными сценами и часто ведется в повышенном тоне» («Под звон вечернего колокола (Марфа Посадница)»). — В. Г.).

⁶ «Белые пелеринки», «Большой Джон», «Грозная дружина», «Джаваховское гнездо», «За что», «Записки институтки», «Записки сиротки», «Записки гимназистки», «Записки маленькой гимназистки», «Люда Влассовская», «Сибирочка», «Счастливчик», «Щелчок», «Южаночка», «Юность Лиды Воронской», «Юркин хуторок».

⁷ Представляется необходимым привести некоторые другие примеры: «У Чарской даже четырехлетние дети никак не могут без обморока!»; «Нечего и говорить о том, что эти малые дети то и дело убегают из дому — в дебри, тундры, в моря, океаны, ежеминутно висят над бездонными пропастями и по всякому малейшему поводу покушаются на самоубийство»; «Я волнуюсь, я мучаюсь, но в новой книжке — “Щелчок” — маленький мальчик опять целует у кого-то сапоги, умоляя “Исхлещи меня кнутом до полусмерти!”»; «И снова князь, и снова княгиня — ежеминутно на этих обоях повторяется тот же узор»; «Как жаль, что в японскую войну кавалеристы не читали Чарской! То-то натворили бы подвигов!»; «Сосчитайте-ка, сколько поцелуев хотя бы в “Люде Влассовской”»; «Я увидел, что истерика у Чарской ежедневная, регулярная, от “трех до семи с половиной”. Не истерика, а скорее, гимнастика» [Чуковский, 1912].

⁸ См. там же: «Все идеальные, природные сокровища женского ума и сердца у героинь Чарской отсутствуют, ибо на них нет спроса; они обесценены в той среде, где приходится девочкам жить и развиваться» [Комарницкий, 1914, с. 12].

⁹ Русаков В. Как живет и работает автор «Княжны Джавахи» // Задушевное слово для старшего возраста. 1913. № 43. С. 2–3.

¹⁰ «Придерживаясь того взгляда, что дети — прежде всего люди, а не только объекты воспитательного на них воздействия, и что в вопросах, касающихся детей, необходимо до известной, по крайней мере, степени, считаться также и с мнениями и взглядами их самих, подвергая их мнения, если это нужно, тщательному анализу, мы постараемся прежде всего выяснить, как сами дети объясняют свое восторженное отношение к произведениям Чарской. Не думаем, что все ответы, приводимые Либровичем, являются ответами детей (например, «Чарская привлекает фабулой и красивым рассказом») [Русаков, 1913, с. 5].

¹¹ Первую яркую и чисто позитивную оценку всему творчеству Л. Чарской дал в своей статье «Задушевная поэтесса» Мариан Гловский [Гловский, 1910]. Но указанная работа, в основном, строится не на анализе, а на позитивных эпитетах в адрес творчества Л. Чарской.

¹² См., напр., статью «Война и дети» в сборнике «Что и как читать детям» за 1915 г.

¹³ См.: Соболев М. В. Новые повести Л. Чарской для юношества [Соболев, 1916].

¹⁴ См. также: Путилова Е. О. Ф. Сологуб и Л. Чарская [Путилова, 1995].

¹⁵ См.: «“Убить” Чарскую, несмотря на ее мнимую хрупкость и воздушность, было не так-то легко. Ведь она и до сих пор продолжает, как это показала в своей статье

писательница Е. Я. Данько, жить в детской среде, хотя и на подпольном положении. Но революция нанесла ей сокрушительный удар. Одновременно с институтскими повестями исчезли с лица нашей земли и святочные рассказы, и слащавые стихи, приуроченные к праздникам» [Маршак, 1934, с. 22].

¹⁶ См.: «И Чарскую тоже нельзя трактовать (как ее трактуют теперь), как пошлую романтическую институтку. Чарская отравляла детей тем же сифилисом милитаристических и казарменно-патриотических чувств» [Чуковский, 1934, с. 180].

¹⁷ Данько Е. О читателях Чарской // Звезда. 1934. № 3. С. 124–140.

¹⁸ Исключение составляет статья А. Наркевича «О сочинениях Л. Чарской» [Наркевич, 1939].

¹⁹ «В основу этого очерка положен материал анкетного обследования читателей пионеров, предпринятого ДКВД Смольнинского района, и материал моих заметок, сделанных во время работы с читателем», — пишет Е. Данько [Данько, 1934, с. 124].

²⁰ «Наши читательницы не боятся грозы, но реагируют на грозу крайне эмоционально. В пионерлагерях я видела, как девочки, наравне с мальчиками, радовались грозе, с особенным удалством выбегали под дождь, старались не прозевать ни одной вспышки молнии, сопровождали свою беготню воинственными криками. Между ними и отважной фигуркой героя с первых слов повести возникает контакт» [Там же, с. 128].

²¹ «Читатель хватается за книги Л. Чарской, дающие обильный материал об отношениях с людьми, и не замечает, что интересующие его проблемы разрешены на основе совершенно чуждого ему миропонимания» [Там же, с. 131].

²² Приводится реальный пример такой девочки, которую совет лагеря решил отправить домой за постоянные драки с товарищами: «Дети сами удалили из своей среды инородное тело».

²³ См.: Путилова Е. О. О забытых именах, или О «феномене» Л. Чарской [Путилова, 1989].

²⁴ См., напр., сайт: <http://www.diary.ru/member/?283227>